

ФЕЛЛИНИЕВСКАЯ ЖЕНЩИНА

Курсенты. - 1996. - 5 дек. - с. 8.

РАДИО

“Когда Марчелло Мastroяни услышал мой бас, он сказал восхищенно: “О!” О чем я спросила? Почему вы такой мрачный, что фотографии не могут работать?! Сколько стоит улыбка великого Марчелло? Сделайте подарок — улыбнитесь! “Я не Дед Мороз, чтобы делать подарки”, — буркнул Мastroяни и поднял на меня глаза. И... улыбнулся! Он не подозревал, что такой низкий голос может принадлежать женщине. Фотографы защелкали затворами, а мы стали говорить о Чехове и Толстом...”

Алина Михайловна Силикашвили, популярная журналистка “Радио России”, считает себя персонажем Федерико Феллини. Когда знакомые режиссеры предлагали ей сниматься в своих фильмах, она отвечала: “Только у Феллини!” Единственное исключение было сделано для Сергея Юрского. “Я так люблю Сережу, что не могла допустить, чтобы он меня уговаривал, и я снялась в эпизоде в его “Чернов, Chernoff”. Ничего особенно. Я играла кассиршу, выдавала деньги главному герою. Очень долго меня снимали, я все время путала текст, поскольку ощутила себя актрисой: вместо “пройдите в бухгалтерию”, говорила “пройдите в библиотеку”. К тому же я не могла говорить просто так. Я вспомнила интонацию моей учительницы грузинского языка в русской школе, тут же нацепила очки и вошла в образ...”

Два раза в месяц на “Радио России” выходит “фир-

менное блюдо” Силикашвили “Снимается кино”. Прежде много лет она готовила ее на радиостанции “Юность”, куда пришла еще студенткой. Делать такую передачу уговорил Сагалаев, большой киноман, только кино Алина в то время не любила: она выросла в театральной среде.

“Слова “снимается кино” я взяла у Левитанского — очень нравится это сочетание. Если бы мы жили в другой стране, я могла бы брать авторские права, потому что первой на радио внесла в передачу о кино театральный метод: стала включать в программу ударные фрагменты фильмов. На премьере записываю всю фонограмму, иногда ничего из нее не беру, если картина мне не нравится. Нет, это не пиратская запись, я договариваюсь с режиссерами, а поскольку они любят мою передачу, то разрешают мне все!”

У “Снимается кино” постоянная команда и накачанная форма. Но главное ноу-хау — голос ведущей. Его не спутаешь. Алина Михайловна предпочитает, чтобы ее узнавали по голосу, а потому никогда не дает телеинтервью и не любит фотокамер.

“Потребовалось много-много лет, чтобы аудитория привыкла к моему басу, к моему баритону. Хотя режиссер иногда смеется: вот сейчас у нее будет женский голос! Есть такие персонажи, с которыми я, по ее мнению, кокетничаю. Я всегда говорила низким голосом, но могла брать и верхи, спеть “Соловья” Алябьева. Когда Сергей Параджанов впервые меня услышал, он сказал: “Дура! Ты чем занимаешься?! Если бы я тебя

встретил в 17 лет, я бы из тебя сделал Иму Сумак и выше нее”.

Параджанов знал, что говорит, у него было консерватское образование, он всю жизнь сожалел, что я наплевательски отнеслась к своему голосу и не стала им заниматься. А мне это было неинтересно”.

Когда Алине было девять лет, к ним в Тбилиси приехали фронтальные друзья ее отца. Она повела их на Мтацминду, гору Святого Давида, в Пантеон. И представьте себе, маленькая девочка, стоя у дорогих могил, вдохновенно рассказывала о любви Грибоедова и Нины Чавчавадзе.

“А я всегда представляла, что Нина Чавчавадзе — это я. Только не было рядом Грибоедова... Вокруг собралось много людей, все меня слушали и даже аплодировали. И вдруг один из слушателей сказал: “Боже мой! Какой низкий голос у этой девочки!” Мне послышалось в этом что-то уничижительное, я спросила отцовского друга: “Дядя Сева, это, что, плохо?!” И он вооружил меня на всю жизнь: “Когда тебе будут так говорить, ты отвечай: всякая уважающая себя грузинка говорит басом!”

И потом у меня была масса “голосовых” историй...”

“Устные мемуары Силика — так называют эти истории ее друзья. И удивляются: “Ну почему ты об этом не напишешь?!” Алина Михайловна отшучивается: “Мне нужна еще одна жизнь, чтобы вернуться к моим героям и описать наши встречи”. Бывали времена, когда об этих героях — актерах, режиссерах,

писателях — нельзя было говорить вообще или так, как того заслуживал их талант. “И тогда я брала “паровоз”, а к нему прицепляла “вагончики”, в которых сидели друзья моей души, и таким образом проскакивала в эфир. А “паровоз” был Героем Соцтруда, но не просто благонадежным функционером, а когда-то что-то значительное сделавшим художником”.

Готовя передачу о Ларисе Шепитко в годовщину ее смерти, Силикашвили решила связать печальную дату с 25-летием фильма “Судьба человека” и отправилась к Сергею Федоровичу Бондарчуку. Всего один раз в своей жизни. И Бондарчук стал “паровозом”.

“Сейчас я могу делать то, что я хочу. Это дорогого стоит. Люди, которые приходят ко мне в передачу, говорят так, как они хотят. С теми, кто не смог пронести свои убеждения и все время плавает то в одну сторону, то в другую, я не общаюсь, даже если они безумно знамениты и украсили бы программу. Но я не вредная. Если кто-то из коллег-газетчиков берет из пресс-конференции только “жареное” и тем самым искажает факты, я даю документальную запись и комментирую, если надо. Тут я за справедливость. И в таком контексте эти персонажи могут появиться в моем эфире. Меня интересует вечно. Многие кинематографисты ничего сегодня не делают, но думают о вечном, и я вместе с ними. И вместе с ними страдаю, что они не могут работать, осуществлять свои планы. Они

не бегают по банкам, цепелильно считают, на какие деньги будут снимать картину. Для них эти деньги пахнут...”

Очень люблю открывать молодых, угадывать: кто к нам пришел? Я каждый раз говорю слушателям: сколько бы кино ни хоронили, оно живет и будет жить, и хороших картин сейчас снимают столько же, сколько раньше в годы государственной дотации: один шедевр на десять лет”.

Феллиниевской женщиной Алина Силикашвили ощутила себя еще студенткой, когда посмотрела привезенные в Тбилиси после Московского кинофестиваля “Восемь с половиной”. Феллини показывали ночью на студии “Грузия-фильм”. Картина ее так очаровала, что наутро она решилась на эксперимент. “Я укоротила свое платье, сделала глубокий вырез, декольте, и распустила волосы. Посмотрела в зеркало: вполне Сарагина! Это было очень смело — распустить волосы в Грузии и в мини пойти на проспект Руставели, где можно было встретить весь город и узнать все новости. Но я вышла и прошла его с моими друзьями от начала до конца, и вслед мне все кричали: “Сарагина!” Я добилась того, чего хотела: перевоплотилась в героиню Феллини и прошла ее походкой”.

— Алина Михайловна, а вы ведь непременно должны были с Феллини встретиться...

— Мы и встретились. На Московском кинофестивале. Он давал общую пресс-конференцию, что меня не устраивало. Но мэтру должны были вручить свой приз

киноклубники за фильм “Интервью”, я отправилась на эту встречу. Переводчиком Феллини оказался мой знакомый армянин из Тбилиси, я ему сказала: “Володя, я тебя очень прошу: я заговорю с ним сразу, а ты будешь переводить. И если я его заинтересую и он захочет мне ответить, то состоится интервью. Если нет, я попрошу прощения и отойду в сторону”. Он говорит: ну давай. И когда Феллини сошел со сцены в зал, я моментально вклинилась между ним и любителями автографов, но не рассчитала: эта толпа почти свалила его на ступеньки, а я оказалась чуть ли не на коленах у великого режиссера. И начала свое интервью! На меня пошел поток тепла и энергии. И я обнагелела: стала откровенной, стала говорить то, чего никогда не посмела бы сказать. И Володя быстро-быстро это переводил. А Феллини быстро отвечал и подписывал листочки и фотографии. А первое, что я ему сказала: “Когда буду писать мемуары, первая фраза будет такая: я брала интервью, лежа на Феллини!”

Вот так “Снимается кино”! А затем в сорок шесть с половиной минут Алине Михайловне надо втиснуть все, что, говоря словами поэта: заставляло ее плакать и смеяться два часа. А мне скрепя сердце надо оставить на кассете половину нашего с ней разговора: газета не резиновая, но сохранить надежду — или на ее мемуары, или на новое интервью.

Полосу подготовил Влад ВАСЮХИН.